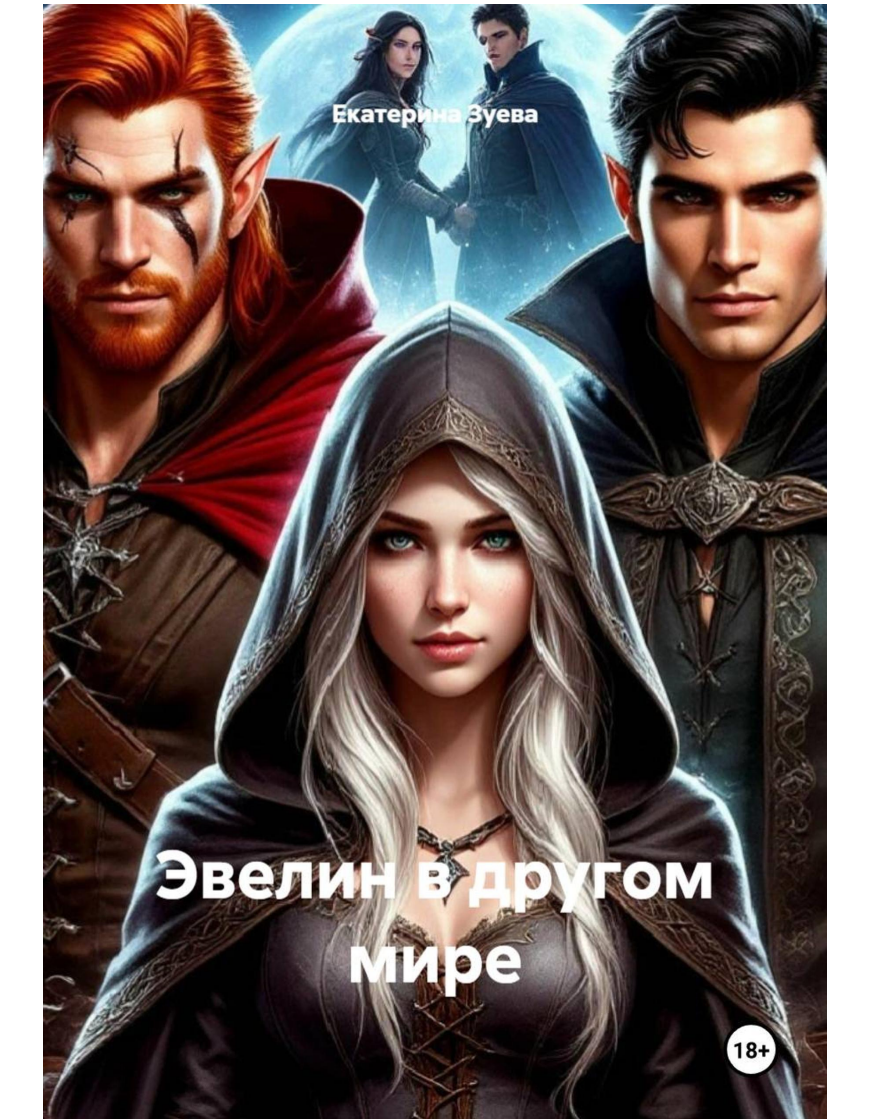

Екатерина Зуева

Эвелин в другом мире

18+

Екатерина Зуева

Эвелин в другом мире

<https://litres.ru/74271817>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эвелин Харпер обычная работница в супермаркете "Моррисонс", который находится в Англии. У неё скучная жизнь, пока не настал один день, когда все изменилось. Гаснет свет, она идет в подвал и от щитка бьет током но не обычным а красного цвета. Её душа покидает тело и вселяется в тело эльфийской принцессы Лиары, лунной эльфийки. Которую до этого убила фигура в капюшоне, с тату желудка на запястье. Ей предстоит долгий путь, чтобы вернуться домой, который она пройдет со странной компании.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Екатерина Зуева

Эвелин в другом мире

Глава 1

****Ну здравствуй другой мир!****

Я ненавижу запах дешёвого чистящего средства «Лимонный бриз». Он въелся в поры моей униформы, в волосы, в подкорку мозга. Каждый вечер, ровно в десять, я провожу шваброй по одному и тому же куску плитки у кассы. За два года я могла бы выложить эту дорожку кирпичом, залить бетоном, выжечь лазером — но я просто тру её тряпкой. Снова. И снова.

Меня зовут Эвелин Харпер. Мне двадцать семь. Я — архитектор пустоты.

— Харпер! — голос менеджера, мистера Грейвза, резанул по ушам громче, чем скрип тележки с колесом-квадратом. — Ты свой стеллаж «Заморские сладости» довела до кондиции? Или так и будешь пялиться в одну точку, пока в «Моррисонс» не откроют отдел сновидений?

Коллеги захихикали. Дженни, с её вечной улыбкой в поллица, поправила бейдж и стрельнула в меня взглядом, который обещал: «Боже, какая же ты серая мышь». Сара за кассой сделала вид, что не слышит, но я видела, как дрогнула её

палец на сканере — она ловила каждое слово, чтобы вечером пересказать мужу.

Они думают, я глупая. Что у меня нет ушей. Но в супермаркете, где эхо разносит каждый шорох, слышно всё. «Эвелин? Придурочная. Она же даже шутки не понимает». «Слышали, она до сих пор верит в эльфов? Взрослая тётя, а сказки читает в обед».

Я не спорю. Я просто киваю, беру стремянку и поправляю пачку печенья, которая стоит ровно. Дома, в моей комнатухе с видом на кирпичную стену, меня ждёт книга о северных легендах. На полке стоят фигурки драконов — я сама их расписывала, мелкими кисточками, пока за окнами завывал ветер. Это единственное, что у меня есть. Родители погибли в той проклятой экспедиции в Исландию двенадцать лет назад. Сказали, что лавина. Я не была на похоронах — мне сказали, что нечего смотреть.

Они забрали с собой всё волшебство мира. Оставили мне только эту серую плитку.

В 23:47 гаснет свет.

Не постепенно, не с миганием — просто *хлоп*. Как будто гигантская рука накрыла здание. Жирная тишина повисла в воздухе, нарушаемая лишь писком сканера, который пытался перезагрузиться.

— Чёрт! — рывкнул Грейвз. Я услышала, как он споткнулся о коробку с крупами.

Стало холодно. В супермаркете всегда холодно, но сейчас

будто кто-то открыл люк в вечность. Дженни взвизгнула, но не испуганно, а по-театральному.

— Это во всём квартале, — сказала Сара, сверившись с телефоном. — Авария на подстанции. Резервные генераторы взбесились.

Грейвз включил фонарик на телефоне, его лицо — красное, потное, злое — вынырнуло из мрака.

— Харпер! Ты — самая ненужная здесь. Иди в подвал, включи ручной рубильник. Мы сами тут управимся.

Я замерла. В горле пересохло.

— Сэр, я не... Я не знаю, где там щиток. И там темно.

— Темно? — он хрипло рассмеялся, и остальные поддержали. — Возьми фонарик с кассы. Или ты боишься мышек? Или, может, пауков?

Я взяла с кассы старый, облезлый фонарь «Эверди». Он был жёлтым, пластмассовым, с царапиной на стекле. Он висел как кусок прошлого.

— Хорошо, — сказала я тихо.

Сара хлопала меня по плечу, но это было похоже на то, как хлопают по двери, когда хотят, чтобы та закрылась. Я открыла тяжёлую металлическую дверь в служебную зону. За ней пахло сыростью, картошкой и плесенью.

Дверь за мной захлопнулась с лязгом отбойного молотка.

Ступени вниз были скользкими. Я считала их, чтобы унять дрожь. Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать — поворот. Подвал пах машинным маслом и железом. Тени от

моего фонаря скакали по трубам, как привидения. Я слышала, как где-то глухо капает вода. Кап. Кап. Кап.

Я добралась до щитка. Ржавая металлическая коробка на стене, с облупившейся краской. Рычаг был опущен вниз.

Я взялась за него. Металл под пальцами был тёплым. Слишком тёплым.

Я дёрнула вверх.

Ничего не произошло. Ни искры, ни щелчка. Только тишина стала гуще, и фонарь на моём поясе — этот старый жёлтый «Эверди» — вдруг замигал. Не как при разряде батарей. А как будто он пытался передать сигнал азбукой Морзе.

А потом из щитка, из самой его глубины, вырвался свет.

Красный.

Густой, пульсирующий, как артериальная кровь, свет хлынул через щели, через ржавые заклёпки, просочился в воздух и *вошёл* в меня.

Я не почувствовала удара. Я почувствовала, как меня *выворачивают*. Как будто кто-то взял мою душу за шиворот и потянул — медленно, неумолимо, сквозь кожу, сквозь кости, сквозь бетонный пол.

Я раскрыла рот, чтобы закричать, но вместо крика из горла вырвался только пар. Холодный, белый, как дыхание зимы. Моё тело не дёргалось. Оно застыло, как восковая фигура. Глаза открыты, но я смотрела на себя со стороны — сверху, из угла подвала, где плесень расползлась по трубам.

Красный свет залил всё. А потом — *хлоп*. Как перего-

ревшая лампочка. Как захлопнувшаяся дверь.

Тьма.

Я очнулась от холода. Ледяного, острого, как лезвие ножа, который приставили к затылку.

Я лежала на мокрой земле. Вокруг пахло соснами и... гнилью. Не так, как в супермаркете. Живой гнилью, леса, травы. Где-то ухала птица, но её крик был похож на вопль ребёнка.

Я открыла глаза.

Надо мной был не потолок. Надо мной были ветви. Огромные, переплетённые, с листьями цвета запёкшейся крови и серебряными прожилками.

Я попыталась сесть, и моя рука... она была чужой. Тонкая, бледная, с длинными, изящными пальцами. На ней — грубая мужская рубаша, перепачканная грязью и тёмными пятнами. Кожа на моих пальцах была чистой, но я чувствовала под ногтями сухую корку — это была моя, но не моя рука.

Я поднесла её к лицу. Трясущейся рукой коснулась волос. Волосы были длинные, почти до пояса, выбившиеся из грязного хвоста, и... светлые. С серебряным отливом. Не мои. Мои — коричневые, мышинные, вечно спутанная коса.

Я зажмурилась. Сильно. До звёзд.

«Это сон. Это последствия удара. Я в больнице».

Медленно, с замиранием сердца, я провела рукой в бок, туда, где у человека были уши.

Мои пальцы нащупали не мочку. Они нащупали заост-

рѣнный, тонкий, трепещущий кончик. Хрящ, нерв, живой. Я дёрнула себя за него — и пронзительная боль прошла череп.

Я вскрикнула. Гортанно, хрипло. Голос был не мой — ни-же, с хрипотцой.

И тут до меня дошло.

Я не Эвелин Харпер. Или я Эвелин Харпер, но внутри... *этого*.

В голове вспыхнули обрывки — не мои воспоминания. Лица. Золотой трон, залитый кровью. Крик женщины в белом платье. Бег. Бег по лесу, ветки хлещут по лицу, и мужской голос, хрипящий: *«Беги, Лиара. Беги. Они найдут тебя по ушам. Скрывай их. Скрывай всё. Ты — последняя»*.

Я сидела в грязи, держась за свои новые, острые уши, и пыталась не сойти с ума.

А потом до меня дошло кое-что ещё.

В подвале супермаркета, на бетонном полу, лежало моё тело. Моё настоящее тело. Коричневые волосы, дешёвая униформа, руки, которые никогда не держали ничего тяжелее швабры.

Меня нашли через десять минут. Сара спустилась, потому что я не возвращалась. Она увидела меня — распластанную, с открытыми глазами, без пульса.

— Господи, — выдохнула она. — Вызовите скорую! Она упала! Она ударилась головой!

Они вызвали. Приехали врачи. Сделали реанимацию. Забрали в больницу.

Я не знала этого тогда, но я узнаю позже. Я чувствую это сейчас, в этом лесу, в этом чужом теле — связь. Тонкая нить, серебряная, как нить паука. Она тянется от моего запястья куда-то в пустоту. Туда, где моё тело лежит в палате интенсивной терапии, подключённое к аппаратам. Глаза закрыты. Лицо бледное. Врачи говорят: «Глубокая кома. Мы не знаем, проснётся ли она».

Моё тело спит. Моё тело пустует.

А я здесь. В теле мёртвой принцессы, которую убили в этом лесу несколько часов назад. Я не знаю, как она умерла. Но я знаю, как выглядит её смерть — это её последние воспоминания, они вплетены в мои. Я вижу сверкающий клинок. Слышу женский смех. Чувствую, как земля уходит из-под ног.

Она упала. И её тело освободилось ровно в тот момент, когда красный свет вырвал меня из моего.

Не зов. Не предназначение. Не великая миссия.

Просто совпадение.

Смерть одной и кома другой, которые встретились на перекрёстке реальностей.

— Чёрт, — прошептала я. — Я просто хотела домой.

Я встала. Ноги слушались плохо. Я подняла с земли потёртый плащ и набросила капюшон, скрывая волосы и, главное, проклятые острые уши.

В груди заныло. Не моя боль. Её боль. Смертельная рана, которая уже затянулась, но оставила шрам — под рёбрами, на сердце.

«Они убили её. Кто-то хотел, чтобы она умерла. И теперь они будут искать тело. Или то, что в нём осталось».

Вдалеке, за деревьями, раздался низкий, гулкий рёв. Он сотряс землю, и я почувствовала, как мои новые уши реагируют на каждый оттенок звука, даже на то, как падает хвоя.

Я сжала кулаки. На запястье, там же, где был шрам от красного света, я увидела едва заметную серебряную нить. Она пульсировала. Тянулась в никуда. Туда, где моё тело лежало в палате, дышало через трубку, и ждало.

— Так, — прошептала я самой себе. Голос дрожал. — Ты — Эвелин. Ты работала в супермаркете. Ты боялась мышей и своего менеджера. А теперь ты — принцесса эльфов, которую убили, в мире, где водятся твари, которые сожрут меня на ужином.

Я перевела дух и посмотрела на небо — чужое, с двумя лунами, висящими низко, как жёлтые глаза.

— И если я умру здесь, я не вернусь. Потому что там моё тело просто выключат из аппаратов. И меня не станет. Ни там, ни здесь.

Я сглотнула. Вкус крови и страха был на языке.

— Значит, надо выжить.

Я сделала шаг вперёд. Лес зашептал, зашевелился, зажил своей жизнью. Где-то впереди, между стволами, мелькнула

тень. Высокая. В плаще.

Она видела меня.

И я видела её.

— Отлично, — сказала я, поправляя капюшон. — Первое знакомство.

Я услышала топот лошадиных копыт и побежала, а потом. Они ударили меня по затылку, и тьма пришла не мягкой, а тягучей, как патока. Я проваливалась в неё, но на дне меня ждали картинки, которые не были моими.*

Я бегу по мраморному коридору. В руках — светящийся камень. За спиной крики. Я знаю этот коридор. Знаю, где поворот. Я тут выросла. Солнце пробивается сквозь витражи, и на полу танцуют разноцветные зайчики. Я слышу голос матери: «Лиара, не бегай, ты упадёшь». Голос тёплый, как молоко. Я оборачиваюсь — и вижу только тень. Тень с мечом. Рука. Мужская, жилистая, с наколкой. Жёлудь. Маленький, аккуратный, будто вырезанный из дерева.*

Я открыла глаза — и мир перевернулся.

Решётка. Толстые, ржавые прутья. Запах соломы, мочи и — да, я узнала этот запах — дешёвого железа. Как в том подвале. Только здесь пахло ещё и лошадьми. И страхом. Чужим страхом, который витал в воздухе, как туман.

Я сидела на грязном полу, привалившись спиной к холодной стене. Мои руки были связаны впереди грубой верёвкой — она натирала запястья, но не сильно. Я попробовала

пошевелить пальцами — кровь циркулировала. По крайней мере, они не собирались оставлять меня без кистей.

Голова гудела. Затылок пульсировал, и каждый удар сердца отдавался во всех новых, слишком чувствительных ушах. Я осторожно коснулась их сквозь капюшон — они всё ещё были на месте. Спрятаны. Но ненадолго.

Передо мной, на грубом деревянном табурете, сидел мужчина. Человек. Это я поняла сразу, хотя в этом мире я не могла бы объяснить, откуда знаю. Но я знала. Широкие плечи, грубое лицо, щетина, тяжёлый взгляд, который смотрел сквозь меня, как сквозь мебель. На поясе у него висела дубинка и нож. Рядом стоял факел — чадающий, шипящий, бросающий пляшущие тени на каменные стены.

Я сглотнула. Язык присох к нёбу.

— Эй, — мой голос сорвался. Я закашлялась. — Эй, мужчина.

Он даже не шевельнулся.

— Эй! — крикнула я громче. Звук ударил в уши — мои *новые* уши — и я поморщилась от боли. — Почему я за решёткой? Как вы смеете меня запирать! У меня есть права! Я...

— Заткнись, эльфийка.

Он сказал это так равнодушно, будто отмахивался от мухи. Даже не взглянул в мою сторону. Просто поправил дубинку и зевнул.

— Нелюди чертовы, — продолжил он уже себе под нос,

но я слышала каждое слово. Каждое шуршание его одежды. Каждый вздох. — От вас одни беды. Заткнись, или я снова тебя вырублю.

Он потянулся и сжал дубинку.

Я замерла. Во рту пересохло. Мои руки, тонкие и чужие, задрожали, но я заставила себя дышать. Медленно. Глубоко. Как учила мама — *настоящая* мама Эвелин, когда я маленькая боялась грозы. «Считай до трёх на вдохе. До трёх на выдохе. Гроза не кусается».

Но здесь кусались.

Человек с дубинкой наконец повернул голову и уставился на меня с ленивым интересом, с каким разглядывают паршивую овцу. — Скоро аукцион на рынке, — сказал он, и на его губах заиграла кривая ухмылка. — Так что не рыпайся.

Скоро твой хозяин принесёт тебе приличное платье. Тебя вымоют, приведут в порядок. Такие, как ты, дорого стоят. Или подарят царской семье, если повезёт. Принц любит всякие диковинки. Коллекционер.

Коллекционер.

Слово ударило меня в грудь, как тот электрический разряд. Я вспомнила, как в моей прежней жизни — *в моей реальной жизни* — я рассматривала фигурки драконов на полке. Я собирала их. Я любила их. Я *коллекционировала* их.

А теперь меня будут коллекционировать. Как вещь.

— В Грейграде, — продолжал он, словно читая лекцию,

— вы редкость. Эльфы давно не показываются в городах людей. Думают, что они слишком хороши для нас. А вот смотри-ка, попалась, — он хмыкнул и сплюнул на пол. — Принц заплатит за тебя целый мешок золота. Может, даже два.

Грейград.

Слово прозвучало, и в моей голове — *не в моей, чужой* — вспыхнула карта. Не чёткая, как в учебнике, а смазанная, будто нарисованная углём на промокнутой бумаге. Грейград. Город людей. Серый город. Я видела его с высоты — черепичные крыши, трубы, дым, пар. Механические машины. Колёса. Шестерёнки. Люди в кожаных фартуках у станков.

Но я не оттуда, — прошептал чужой голос в моей голове. *Я с другой земли. Мы живём уединённо. Наш замок и город окружены зеленью. Мы не показываемся людям. Мы не хотим их войны.

*И там, в этом обрывке, я увидела свой дом — *её дом*. Белые стены, вьющиеся растения, мост через реку, вода такая чистая, что видно камни на дне. Деревья с серебряными листьями. И тишина. Такая глубокая тишина, что слышно, как растёт трава.

Это воспоминание было тёплым. Оно пахло мёдом и дождём.

А потом — резкая боль. Тень. Рука с мечом. Жёлудь. Я сжала зубы так сильно, что они закрипели.

— Грейград, — повторила я вслух, пробуя слово на вкус.

Оно было горьким, как таблетка.

Охранник удивлённо приподнял бровь.

— Ты что, не знаешь, где находишься? Совсем дура, что ли? — он усмехнулся. — За решёткой Грейграда идиотка. Хорошо, что продадим тебя быстро.

Я медленно поднялась на ноги. Мои колени дрожали. Я подошла к решётке, взялась за холодные прутья и посмотрела ему прямо в глаза.

— Слушай меня, — сказала я тихо. Голос Лиары — низкий, с хрипотцой — звучал твёрже, чем я ожидала. — Ты не знаешь, кто я. И ты не знаешь, что я могу сделать.

Он рассмеялся. Громко, с хрипом.

— Ой, смотрите-ка, принцесса гнева!

Он даже не понял, как близок к истине.

Я не стала говорить ему, что я — королевская кровь. Что у меня в жилах магия древнего рода. Что я не знаю, как ею пользоваться, но у меня есть это странное знание — знание, которое пришло вместе с телом. Я чувствовала внутри себя что-то тёплое, пульсирующее, как второй пульс. Оно спало. Но оно было там.

Вместо этого я улыбнулась. Криво, тонко — как учила меня школьная травля. Улыбка, которой я говорила одноклассникам: «Мне всё равно».

— Ты прав, — сказала я. — Я идиотка. Но у идиотов есть одна особенность. Мы иногда делаем неожиданные вещи.

Он нахмурился и поднялся. Я почувствовала, как воздух

вокруг него стал тяжёлым. Он был опасен. Он был силен. И он был готов ударить.

Но я отступила на шаг, убрала руки с решётки и села обратно на солому. Спиной к нему. В угол.

— Всё равно ты ничего не сделаешь, — бросил он. — До утра сидеть тебе здесь.

Я не ответила.

Я закрыла глаза и начала дышать. Считать. Три на вдохе. Три на выдохе.

Внутри меня, там, где текла кровь эльфийской принцессы, что-то шевельнулось. Я не знала, что это. Но я знала одно: меня купит какой-то принц-коллекционер, и это — не конец.

Это начало.

Потому что Эвелин Харпер, которую дразнили в школе и унижал менеджер, может и сдалась. Но та, кто сидит в камере сейчас, принцесса Лиара — нет.

Тень с желудём на руке ещё заплатит за всё.

Я не знала, как выберусь из этой клетки. Но я знала, что выберусь.*

А пока что... надо выспаться. Мне понадобятся силы.*Я прикрыла глаза, прислушиваясь к дыханию охранника, к звукам ночного лагеря, к далёкому вою — и поняла, что это не волки.

Я сжалась в углу, всё ещё чувствуя на груди призрачную боль от удара черным клинком. Сердце колотилось где-то в горле. Я провела ладонью по животу — ребра, втянутый от

голода живот, тонкая кожа. Никакой раны. Но память о сне была осязаемой. Тень. Капюшон. Желудь на руке.

Она была там. Она реальна. И она уже нашла меня однажды.

— Проснулась, как раз вовремя, — сказал охранник, загремев ключами. Я вздрогнула.

Он был не один. Сзади стоял ещё один мужчина — пониже, кривоногий, с лицом, которое будто сплющили сковородой. Оба смотрели на меня, как на мясо в витрине.

— Пора идти на рынок, — продолжил первый и с хрустом открыл решётку. Железо завывало, как живое. — Хозяин дал вот это. Надевай.

Он бросил в меня свёрток ткани — тот ударился о мою грудь и упал на грязную солому. Зелёный. Яркий, неестественно яркий, как елка в канун Рождества. Длинное, до пят, с длинными рукавами и глубоким вырезом. Ткань была мягкой, дорогой — шёлк или что-то подобное, скользкое и холодное на ощупь.

— Прямо здесь переодеваться? — спросила я, не поднимая головы. Я знала ответ.

— Нет, мы тебе предоставим личные покои, — кривоногий хохотнул. Его смех был похож на лай. — И завтрак с шампанским.

Они оба расхохотались. Звук отражался от каменных стен, превращаясь в какофонию.

— Живей давай, — первый шагнул вперёд. — Или мы

сами тебя разденем. Мне не жалко — платье всё равно потом в химчистку.

Я сжала зубы так сильно, что свело челюсти.

— Отвернитесь, — сказала я тихо, но твёрдо.

— Чего?

— Отвернитесь, сволочи.

Они переглянулись. Наверное, решили, что я не опасна. Что я просто перепуганная девчонка, которую легко сломать. Тот, что повыше, пожал плечами, сделал шаг назад и показательно отвернулся к стене. Второй, сплюснутый, нехотя последовал примеру.

— Давай, только быстро, — буркнул он.

Я отползла в самый тёмный угол клетки, насколько позволяла верёвка. Руки дрожали так, что я едва развязала узел. Верёвка упала на пол, и я почувствовала себя голой — даже не сняв одежды.

Я стянула грязную мужскую рубаху и штаны, которые были на мне. Тело под ними было чужим, но красивым. Я впервые увидела его толком — бледная, почти светящаяся кожа, изящные ключицы, тонкая талия. На бедре — странный шрам в виде трёх царапин, как от когтей. Не моих. Её.

Я вдруг вспомнила, чьё это тело. И как она смеялась — она, Лиара, — стоя на балюстраде и глядя вниз, на сад. Она была дерзкой. Она была своенравной. Она отказывалась носить те платья, которые ей выбирали.

— Ты безрассудна! — голос матери, красивой эльфийки

с серебряными волосами, звенел где-то в глубине сознания. Её лицо было размытым, но я видела, как она гневно всплескивает руками. — Ты капризна и избалованна! Принцесса не может бегать по лесам в штанах! Ты позоришь род!

Лиара тогда рассмеялась. Она поцеловала мать в щёку и выбежала в окно — по плющу, как кошка.

«Мама, я не хочу быть куклой», — ответила она. И это эхо отозвалось во мне сейчас.

Я замерла, сжимая в руках зелёное платье. Мать Лиары была жива тогда. Она любила её. Сейчас она мертва. И тень с желудём стояла над её телом.

Я надела платье. Ткань скользнула по коже, холодная и липкая. Оно было великовато в груди — у Лиары была небольшая грудь, но моя, Эвелин, ещё меньше, поэтому я чувствовала, как ткань собирается складками. Длинные рукава закрывали руки до самых пальцев, скрывая тонкие запястья.

Я накинула капюшон. На всякий случай. Мои уши — её уши — надёжно спрятались в складках шёлка.

— Готова, — сказала я.

Они обернулись. Взгляд первого охранника задержался на мне чуть дольше, чем нужно. Он качнул головой:

— Ничего так. Товар хороший.

— Заткнись, — сказала я.

Он ухмыльнулся, но промолчал.

Аукцион был шумным, грязным и пах кровью. Я никогда

не видела ничего подобного. Рынок рабов в Грейграде находился на главной площади, окружённой серыми домами из камня и кирпича, из труб которых валил густой чёрный дым. Пар поднимался от люков. В воздухе пахло углём, потом и жареным мясом. Люди — люди, почти все люди — толпились у помоста, выкрикивали цены, хлопали по плечам друг друга. Над их головами висел прозрачный, маслянистый смог, и солнце казалось тусклой, больной монетой.

Меня вывели на деревянную сцену. Мои руки снова связали, но теперь мягкой, бархатной лентой — чтобы не повредить «товар». На шею повесили табличку с цифрами: «28». Рядом со мной стояли другие «экземпляры»: низкорослый мужчина с синей кожей — гном, кажется, судя по обрывку воспоминаний; молодая женщина с волосами цвета мха — полуэльфийка, забитая, с пустыми глазами; и пожилой человек с татуировками на лысой голове.

Но все взгляды были прикованы ко мне.

— Редкий товар! — кричал распорядитель в круглой шляпе, размахивая руками. — Эльфийка! Чистокровная, молодая, дикая, с характером! Отличное тело — отличные гены! Купите её для дома, для постели, для охраны, для коллекции! Торг начинается с пятидесяти золотых!

Золотые. Я не знала, сколько это. Но по тому, как ахнула толпа, поняла — это безумно много.

— Пятьдесят пять! — крикнул толстый мужчина в бархатном камзоле.

— Семьдесят! — перебил его другой, с красным лицом.

— Восемьдесят пять! — женский голос.

— Сто!

Толпа взревела. Я стояла как истукан, глядя в туманное небо. Где-то там, за этим смогом, был мой мир. Супермаркет. Лицо Дженни, которая сейчас, наверное, пьёт чай. Грейвз, который написал рапорт о несчастном случае. И моё тело, холодное и неподвижное в больничной палате.

— Я даю сто пятьдесят! — перекрыл всех низкий, властный голос.

Толпа расступилась, как волны перед носом корабля. Из серого тумана вышел Он.

Принц.

Я поняла это сразу, даже без табличек и герольдов. Он был молод, лет тридцати, с тёмными волосами, забранными в хвост, и пронзительно-синими глазами, которые смотрели на меня, как на игрушку. На нём был длинный чёрный плащ, подбитый мехом, и камзол из тёмно-синего бархата, расшитого серебром. На поясе — кинжал с рукоятью, украшенной рубином. Он двигался не как остальные — плавно, с хищной грацией. Как человек, который привык брать своё.

— Сто пятьдесят, — повторил он, не сводя с меня глаз. — И добавлю десять, если снимете с неё этот уродливый капюшон.

Распорядитель замялся.

— Ваше Высочество, она, эм... дикая. Может, не стоит...

— Я сказал, снимите капюшон.

Мои руки дёрнулись. Двое помощников подошли ко мне и сорвали капюшон с головы.

Мои уши — длинные, острые, с металлическим отливом — сверкнули в свете тусклого солнца. Толпа ахнула. Кто-то ахнул от восторга, кто-то — от отвращения. Принц же улыбнулся. Улыбка у него была красивая. И холодная.

— Да, — сказал он тихо, но я слышала каждое слово. — Она идеальна.

Он подошёл к сцене. Сделал шаг, другой. И поднялся по деревянным ступеням. Его руки, в тонких перчатках, легли на мои плечи. Я вздрогнула.

— Не бойся, — прошептал он, склоняясь к моему уху. Его дыхание было тёплым и горьким — пахло вином и травами. — Я не причиню тебе вреда. Ты будешь жить во дворце. Будешь есть сладкое. Будешь сидеть в клетке из серебра и смотреть, как я работаю.

Он засмеялся. Смех был тихий, на выдохе.

— Потому что ты теперь — моя диковинка, эльфийка. Моя маленькая коллекционная вещь.

Я посмотрела ему в глаза. Голубые. Как лёд. Я почувствовала внутри знакомый жар — тот самый второй пульс. Он шевельнулся в груди, как спящий дракон.

— Сто восемьдесят, — крикнул кто-то из толпы, и я увидела тучного купца с золотыми кольцами на пальцах.

Но принц даже не обернулся.

— Двести, — бросил он через плечо. — И если кто-то перебьёт, я прикажу арестовать его за оскорбление короны.

В толпе зароптали, но никто не посмел перечить.

Распорядитель нервно заулыбался:

— Продано! Ваше Высочество, ваше сокровище!

Принц взял меня за руку. Пальцы его были тонкими и сильными. Он развернулся и повёл меня вниз, в сторону чёрной кареты, запряжённой двумя пепельными лошадьми.

— Как тебя зовут? — спросил он, не глядя на меня.

Я хотела сказать «Эвелин», но язык не послушался. Вместо этого губы произнесли:

— Лиара.

Он остановился и снова посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то — удивление? Интерес?

— Лиара, — повторил он. — Красивое имя. Моё — Кайл. Принц Кайл из Грейграда. Надеюсь, мы поладим.

Он открыл дверцу кареты и жестом пригласил меня войти.

Я вошла. Внутри пахло кожей и мятой. Я сидела на мягком сиденье, разглядывая свои связанные руки, и смотрела, как закрывается дверь. Как город серым туманом поглощает меня.

— Поехали, — сказал принц Кайл кучеру. И карета тронулась.

Я сидела и молчала. Но внутри меня, в глубине души, закипала ярость.

Я не игрушка, — думала я. — Я не диковинка. Я — Эве-

лин Харпер из скучного супермаркета. И меня увольняли, когда я не подчинялась. Но здесь я не подчинюсь. Никогда.

Я вцепилась в подол зелёного платья и закрыла глаза.

Завтра я сбегу. Или умру. Но я не стану его коллекцией.

А тень с желудём... я найду её. И тогда — пусть боги помогут тому, кто убил мать Лиары.

Потому что теперь это и моя мать. И моя война.

Карета тряслась по булыжной мостовой, и каждый толчок отдавался в моих новых, слишком чувствительных ушах. Я сидела, вжавшись в угол, и смотрела на принца Кайла. Он устроился напротив, закинув ногу на ногу, и рассматривал меня так, как рассматривают картину в галерее — отстранённо, оценивающе, без капли человеческого тепла.

— Ты не похожа на других эльфов, — сказал он наконец. — У тебя взгляд. Слишком... человеческий. Ты была в плену раньше?

— Нет, — ответила я. Голос звучал твёрже, чем я ожидала.

— Тогда почему ты не плачешь? Обычно эльфийки рыдают всю дорогу до дворца. Клянутся, что их родственники выкупят их. Угрожают проклятиями. А ты сидишь и молчишь. Это странно.

— Может, я просто устала плакать, — сказала я.

Кайл усмехнулся. Он снял перчатку и провёл пальцем по моей щеке — холодным, сухим. Я дёрнулась, и он убрал руку.

— Интересно, — пробормотал он. — Есть в тебе что-то... Я не могу понять. Но я это выясню. И знаешь, что мне нравится в коллекционировании? Я люблю разгадывать загадки.

Карета остановилась. Я услышала, как заскрипели тяжёлые ворота, и лязг металла. Мы въехали во внутренний двор. Кайл вышел первым и протянул мне руку, помогая спуститься.

Дворец в Грейграде оказался именно таким, каким я его видела в обрывках воспоминаний Лиары. Серым. Массивным. Угрюмым. Стены из тёмного камня, высокие окна с толстыми решётками. Вокруг дворца — чахлый сад с кривыми деревьями. Всё здесь было направлено на функциональность, а не на красоту. Механизмы, пар, колёса. Никакой зелени. Никакой жизни.

Меня провели через длинный коридор с высокими сводами. Горели факелы, но их свет казался тусклым и жирным. Слуги — молчаливые, бледные, в серых одеждах — кланялись принцу, но на меня смотрели с пустым безразличием. Слово я уже была частью обстановки.

Мы поднялись по винтовой лестнице на третий этаж, и Кайл остановился перед тяжёлой дубовой дверью.

— Твои покои, — сказал он и толкнул створку.

Комната оказалась... клеткой. Изысканной, дорогой, но клеткой. На стенах — серебряная решётка, тонкая, как паутина, но я чувствовала, что она не просто декоративная. Магия. Слабая, но действующая. Она билась о мою кожу колю-

чим холодом.

В центре стояла кровать с балдахином, застеленная шёлковым покрывалом. Комод, резное кресло, зеркало в позолоченной раме. На столе — ваза с цветами. На полу — мягкий ковёр с длинным ворсом. В углу — маленький камин, в котором уже трещал огонь.

Всё красиво. Всё фальшиво.

— Принесите еду, — приказал Кайл слуге, который стоял в дверях. — И горячую воду. Она должна вымыться.

Он повернулся ко мне.

— Завтра я покажу тебя отцу. Королю. Он тоже любит редкости. Но не переживай — я сказал ему, что купил тебя для своей коллекции, и он не станет вмешиваться. Ты — моя. Моя собственность.

Он склонил голову набок и улыбнулся. Как кот, который играет с мышью.

— У тебя есть время привыкнуть. Если ты будешь хорошей, я разрешу тебе гулять по саду. Под присмотром. Если будешь плохой — будешь сидеть здесь. Вечность.

Он вышел. Дверь за ним закрылась с лязгом замка. Я осталась одна.

Секунду я стояла неподвижно. Потом медленно, шаг за шагом, я подошла к решётке и коснулась серебряных прутьев. Магия ударила в пальцы, и я отдёргнула руку. Боль. Как от ожога.

— Значит, магия работает, — прошептала я.

Я подошла к зеркалу и впервые за всё время увидела себя — её — полностью.

Из отражения на меня смотрела чужая девушка. Тонкие, бледные черты лица, почти прозрачная кожа, большие глаза с вертикальными зрачками — я никогда не замечала это раньше. Волосы ниспадали на плечи серебряным водопадом. Уши, длинные, остроконечные, трепетали при каждом звуке.

Это было красивое лицо. И оно было чужим.

Я провела пальцами по губам, по скулам. Моя рука дрогнула. И в зеркале, в отражении, я заметила нечто странное. За моей спиной, в углу, где стоял комод, что-то мелькнуло. Тень. Я обернулась.

Никого.

Но сердце забилось быстрее. Я почувствовала холод. Ледяной, знакомый, будто кто-то стоял у меня за спиной и дышал в затылок.

— Кто здесь? — спросила я шёпотом.

Тишина. Только огонь трещал в камине.

Я медленно подошла к комоду. На нём лежал гребень с костяными зубьями. И рядом — маленькая деревянная фигурка. Я взяла её в руки и вдруг осознала: жёлудь. Тот самый. Вырезанный из дерева, с чёткими прожилками.

Воспоминания Лиары нахлынули лавиной.

Я маленькая. Сажу на коленях у мужчины — высокого, с седыми волосами. Он держит в руках нож и вырезает из куска дерева фигурку. Жёлудь. Он улыбается.

— Для моего дома, — говорит он. — Я всегда ношу его с собой. Что, Лиара, нравится? Хочешь такой же?

— Хочу! — кричу я, хлопая в ладоши. — Сделай мне!

— Вырастешь — сделаю. А пока потерпи, непоседа.

Лицо мужчины было тёплым. Он был добрым.

Но в моей голове тот же жёлудь — на руке, сжимающей меч. Кровавый клинок. Тень.

Я выронила фигурку. Она упала на ковёр и покатилась под кровать.

Я опустилась на колени, заглядывая в темноту под кроватью. Пусто. Только пыль и фигурка, застывшая на ворсе.

Но я знала. Это предупреждение. Или угроза. Тот, кто убил родителей Лиары, знает, что она жива. И он здесь. Или близко.

Я сжала фигурку в ладони — она обжигала холодом — и засунула её в карман платья. Как улика. Как ключ к разгадке.

Дверь отворилась. Вошли две служанки с кувшинами дымящейся воды, кувшином вина, с едой и сухим полотенцем. Они двигались беззвучно, лица — каменные маски. Поставили всё и ушли, не сказав ни слова.

Я подошла к столу. Там стояла тарелка с жареным мясом и овощами, хлеб и кубок вина. Я была голодна — настолько, что желудок свело, — но есть не могла. В горле стоял ком.

Я села на кровать и обхватила себя руками. В комнате было тепло, но меня колотила дрожь.

— Ты в порядке, — сказала я себе шёпотом. — Ты Эвелин

Харпер. Ты пережила Грейвза. Ты пережила травлю в школе. Ты переживёшь и это.

Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на том втором пульсе, который чувствовала внутри. Магия. Древняя магия рода. Она спала, но она была там. Где-то глубоко. Как спящий зверь.

Я попробовала потянуть её. Медленно, осторожно.

Ничего.

Я сжала кулаки. Попробовала снова.

Тепло разлилось по венам — слабое, едва ощутимое. Я открыла глаза. Мои руки чуть светились, серебристым тусклым светом. Секунду. Другую. И погасли.

— Да, — прошептала я. — Ты там.

В дверь постучали. Не слуги. Громко, уверенно. Я напряглась.

— Войдите, — сказала я.

Дверь открылась. На пороге стояла женщина. Высокая, с седыми волосами, собранными в тугой узел, с острыми скулами и глазами, похожими на два серых камня. На ней было тёмно-синее платье с высоким воротом, и на поясе висели ключи — связка ключей, позвякивающих при каждом движении.

Она вошла, посмотрела на меня, потом на еду на столе.

— Ты не ешь, — сказала она. Голос низкий, каркающий.

— Не голодна, — ответила я.

— Глупо. Ты будешь нужна принцу. Ты должна быть силь-

ной.

Она подошла ближе. Я заметила, что она хромает — левая нога подволакивалась.

— Меня зовут Эльза, — сказала она. — Я домоправительница. И я знаю, кто ты. Настоящая принцесса Лиара. Я служила твоей матери много лет назад. До того, как сбежала из королевства.

Я оцепенела.

— Ты знала мою мать?

— Знала. И ненавидела её. Она была добрая, благородная и слабая. Поэтому она умерла. Но ты, — она смерила меня взглядом, — ты на неё не похожа. В тебе что-то есть. Что-то дикое. Может, это тебя спасёт.

Она бросила на кровать свёрток — тёмная ткань, грубая, в отличие от шёлка.

— В полночь. Жди. Я открою дверь. Ты выйдешь через кухню. Там есть подземный ход, ведущий в лес. Никому не говори, что видела меня. И запомни: если тебя поймают — я ничего не знаю.

Она повернулась и, хромая, вышла. Дверь закрылась.

Я осталась сидеть на кровати, сжимая деревянный жёлудь в кармане, и смотрела на тёмный свёрток.

В груди бился второй пульс — сильнее. Ярче.

Я не знала, можно ли доверять этой женщине. Но я знала, что не останусь здесь. И если она поможет мне сбежать — я сбегу.

И найду ту тень с желудём.

Что бы это ни стоило.

Побег.

Я сижу на кровати, сжимая в руке деревянный желудь, и смотрю на темный сверток, который бросила мне хромая служанка. В груди бьется второй пульс — сильнее, ярче. Я не знаю, можно ли доверять этой женщине. Но я знаю, что не останусь здесь.

Полночь наступает медленно. Каждая минута тянется как резина. Я переодеваюсь в темную одежду из свертка — грубую, пахнущую кухней и дымом. Волосы прячу под капюшон. Уши — под волосы. Боюсь дышать.

Слышу шаги за дверью. Лязг замка.

Дверь открывается. На пороге стоит та же служанка — седая, хромая, с ключами на поясе. Ее лицо непроницаемо.

— Иди за мной, — шепчет она. — Тихо. Ни звука.

Я выхожу в коридор. Мы идем по узким каменным лестницам, мимо спящих слуг, мимо кухонь, где догорают угли. Она ведет меня через подземный ход — сырой, холодный, пахнущий землей. Я слышу, как где-то сверху лают собаки. Где-то кричит ночная птица.

Мы доходим до тяжелой деревянной двери. За ней — лес. Лунный свет пробивается сквозь щели.

Служанка поворачивается ко мне. Ее глаза — серые, усталые, старческие.

— Беги, — говорит она. — Беги и не оглядывайся.

Я киваю. Хочу сказать «спасибо», но слова застревают в горле. Я толкаю дверь — и вдруг она, эта хромая старуха, хватает меня за плечо с силой, которой у нее быть не может. Я оборачиваюсь.

Ее глаза горят красным. Алым, как раскаленные угли. Как кровь. Как ад.

— Беги, Эвелин Харпер, — говорит она. Но это уже не ее голос. Это низкий, вибрирующий, мужской голос, от которого волосы встают дыбом и по спине бегут мурашки. — Беги без оглядки.

Я застываю. Время останавливается. Я смотрю в эти красные глаза и понимаю — это не служанка. Это ОН. Тень, которую я видела во сне. Та, что убила Лиару. Та, что преследует меня.

Из тела служанки начинает вытекать черный дым. Тягучий, как патока. Он отделяется от нее, и она падает на пол — без сознания, без памяти, без жизни.

Черный дым собирается в фигуру. Высокую. С капюшоном. С красными глазами. Она движется ко мне — бесшумно, как ветер.

Я разворачиваюсь и бегу.

Врываюсь в лес, как пуля. Ветки хлещут по лицу, царапают кожу. Я слышу за спиной смех — низкий, раскатистый, издевательский. Он не догоняет меня. Он просто смеется. Ему нравится пугать меня. Ему нравится видеть мой страх.

— Беги, маленькая Эвелин! — доносится из темноты. —

Беги, пока я не передумал!

Я бегу, не разбирая дороги. Спотыкаюсь о корни, падаю в траву, вскакиваю и бегу снова. Платье — это чертовое дурацкое платье — путается в ногах, я разрываю подол, чтобы освободить колени. Дыхание рвет грудь. Сердце колотится где-то в горле.

Наконец я выбегаю на поляну и падаю за большой куст. Затаиваюсь. Дышу через рот, прижимая ладонь к груди, чтобы сердце не выпрыгнуло.

Тишина.

Я выглядываю из-за куста. Лес пуст. Никакой тени. Никакого смеха. Только луна, холодная и равнодушная, освещает высокую летнюю траву.

Меня трясет. Мелко, истерично. Я сворачиваюсь калачиком в траве и обхватываю себя руками. Зубы стучат, хотя ночь теплая.

Тень. Красные глаза. Она вселилась в служанку. Она вселилась в тело бедной женщины, которая просто хотела помочь мне. И назвала мое имя. Настоящее имя. Эвелин Харпер.

Я сижу так около двадцати минут. Может, больше. Время течет как патока. Я перевариваю случившееся, но мозг отказывается принимать реальность.

Если бы я рассказала кому-нибудь на работе, что видела вселившуюся тень в человека с красными глазами, и что она говорила голосом демона, меня бы сразу отправили в дурку.

И были бы правы.

Я поднимаюсь. Ноги дрожат. Я оглядываюсь — никого. Только трава, деревья, лунный свет.

Мне нужно идти. Нужно выбираться из леса. Я помню обрывки карты, которые видела во сне. Где-то там — порт. Где-то там — пират.

Я начинаю пробираться в чащу. Иду медленно, стараясь ступать бесшумно. Но я не знаю этого леса. Я — Эвелин из супермаркета — понятия не имею, что здесь водится. А в этом мире, как я уже успела понять, водится все, что может тебя сожрать.

Особенно ночью.

Я вижу впереди свет. Костер. Мое сердце подпрыгивает от надежды — люди? Помощь? Я ускоряю шаг. Подхожу ближе.

Но возле костра никого нет. Только догорающие угли и пустая бутылка.

Я замираю. Что-то не так. Слишком тихо. Слишком пусто.

И тут они выскакивают из зарослей. Пятеро. Грубые, бородатые, в грязных одеждах. С ножами и дубинками. Разбойники.

Они хватают меня раньше, чем я успеваю закричать. Один зажимает мне рот, двое скручивают руки, третий смеется.

— Смотрите-ка! — рычит он. — Эльфийка! В наших лесах! Редкая добыча, парни!

— Продадим ее в порту! — вторит второй. — За нее дадут целое состояние!

— Или оставим себе, — скалится третий. — Развлечемся.

Они толкают меня друг к другу. Я пытаюсь вырваться, но сил нет. Только страх и бешеное биение сердца. Я падаю на землю, и один из них наклоняется надо мной. Я вижу его гнилые зубы, слышу запах перегара.

И в этот момент его глаза загораются красным.

Он замирает. Его тело дергается, будто его бьет током. Из его рта вырывается низкий смех — тот самый смех, который я слышала в лесу.

Тень перепрыгивает в него. Как блоха. Как змея, меняющая кожу.

— Что за... — бормочет второй, но не успевает договорить.

Красноглазый разбойник двигается. Боже, как он двигается! Ломая чужие кости, выворачивая суставы, он бросается на своих же товарищей. Я слышу хруст. Крик. Треск.

Он убивает их всех.

Четверых. За считанные секунды. Одного ломает о дерево. Второго — ножом в горло. Третьего — просто голыми руками. Четвертый пытается бежать, но тень выпрыгивает из тела убитого и вселяется в него. На бегу. И тоже ломает ему шею.

Я лежу на траве, в ужасе глядя на это. Я не могу пошевелиться. Я не могу дышать.

Когда все кончается, красноглазый разбойник, последний из них, подходит ко мне. Он просто стоит надо мной, и его

глаза горят. Из его тела почти не идет черный дым — он внутри. Он управляет им полностью.

Я смотрю в эти красные глаза, и мир начинает плыть. Темнеет. Голова кружится.

Я теряю сознание.

Разговор у костра.

Я прихожу в себя от тепла. Костер горит рядом, и я лежу на мягкой траве. Сначала я не помню ничего. Потом — все обрушивается на меня лавиной. Служанка. Красные глаза. Разбойники. . . Смерть. И этот смех.

Меня тошнит. Я переворачиваюсь на бок и меня вырывает в ближайшие кусты. Горло жжет, глаза слезятся.

— А вы слабенькие на желудок, людишки, — раздается голос.

Я поднимаю голову. На бревне у костра сидит мужчина. Разбойник. Тот, последний, в которого вселилась тень. Он выглядит как обычный человек — грязный, бородатый, с татуировкой на руке. Но глаза... глаза все еще красные. Они горят в темноте.

Он подходит ко мне. Я вжимаюсь в землю, пытаюсь отползти, врезаюсь спиной в дерево. Он просто протягивает мне платок.

— Утрись. Противно смотреть. Ты же царских кровей.

Я смотрю на платок, потом на него. Красные глаза смотрят на меня с насмешкой. Руки дрожат, но я беру платок и вытираю лицо.

Он садится обратно к костру на бревно и жестом указывает на место напротив себя.

— Садись. Поговорим.

Я не сопротивляюсь. Я сажусь. Трава подо мной влажная, но я уже ничего не чувствую. Страх вытеснен холодным спокойствием — когда боишься так сильно, что больше не можешь бояться.

— Почему ты помогаешь мне? — голос мой хриплый, сорванный. — Зачем ты помог мне бежать из замка? Зачем спас от разбойников?

Он усмехается. Уголки его губ дергаются.

— Ты ошибаешься. Я помогаю себе. Я хочу вернуть свой трон. Его заняли самозванцы. Такие же, как твои родители.

Я молчу. Смотрю на огонь.

— Триста лет назад, — продолжает он, — моих родителей убил твой отец. Он правил триста лет. Пока его тоже не убили. С твоей матерью. То есть Лиары.

— Лиара была эгоистичной и избалованной, — голос становится жестче. — Ее убили последней. Это был орден "Зеленого желудя".

Орден. Желудь. Татуировка на руке убийцы.

— Я думала, что это ты убил Лиару, — говорю я. — Тень. Удар клинком.

Он качает головой.

— Нет. Это был не я. Мне нужен трон. А трон я могу получить только от предыдущих правителей. Через корону.

Корону, которую оденет кто-то с их кровью. И это — ты. Но корона исчезла. Лиара спрятала ее. Я не знаю где.

— Где она может быть?

— Если бы я знал, меня бы здесь не было.

Он смотрит на меня — красные глаза впиваются в мое лицо.

— А как я оказалась здесь? — спрашиваю я. — Как ты переместил меня в это тело? И как мне вернуться?

Он откидывается назад. Улыбается. Но улыбка не добрая.

— В день Красной Луны я сотворил обряд. Переместился в твой мир. Это я ударил тебя током, Эвелин. После того как искра разряда привела меня к твоей душе. Только твоя душа подходит телу Лиары.

— А где сама Лиара? — мой голос прерывается.

— Она ушла к своим родителям. Туда, куда уходят души эльфов после смерти, — он пожимает плечами. — Она больше не вернется.

Я закрываю глаза. Лиара мертва. Я — в ее теле. Навсегда, если не найду корону.

— Итак, милая Эвелин, — говорит он, — если хочешь вернуться домой, в свое тело, ты поможешь мне отыскать корону. И наденешь её на меня. А потом я верну тебя домой.

— Как? — я открываю глаза. — Как я вернусь?

— Красная Луна взойдет через три месяца, — говорит он. — Наш путь не близок. До твоего бывшего королевства лунных эльфов идти долго. Сделаешь меня правителем — я

помогу тебе.

— А если не найдем?

Тишина. Только треск огня.

— Если в течение трех месяцев мы не найдем корону, — говорит он медленно, — ты останешься здесь навсегда. В этом теле. Кровавая луна взойдет лишь через сто лет. В твоём мире тело уже умрет. Возвращаться будет некуда.

Сто лет. Я останусь здесь на сто лет. Я умру — как Эвелин. А тело Лиары станет моей единственной тюрьмой.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я. — Хоть скажи, демон.

Он смотрит на меня. Глаза мерцают. — Тень — это не имя. Меня зовут Аэлион. Бывший король лунных эльфов. Ныне — изгнанник.

Аэлион. Имя звучит как холодный ветер. Как звон клинка.

Он достаёт карту. Потрепанную, старую. Кладёт её передо мной и проводит пальцем по линии от того места, где мы сейчас, до побережья.

— Ты должна найти пирата по имени Кайнан Ветрокрыл, — говорит он. — Его корабль называется «Анабель». Он подбросит тебя до границы Межлесья. Там я встречу тебя в другом обличье.

— Ты будешь меня ждать?

— Да. И советую не опаздывать. В Межлесье не ждут, — он смотрит на меня серьёзно. — И ещё. Переоденься в мужскую одежду. Не показывай уши. В порту эльфы — редкость. Ты привлечёшь слишком много внимания.

Он достает сумку из-под бревна и бросает ее мне. Я ловлю — она тяжелая. Внутри что-то шуршит.

— Там еда и одежда, — говорит он. — Иди на восток. Там порт. Не сворачивай.

Он поднимается. Я смотрю на него.

— Ты уходишь?

— Мне нужно подготовиться к встрече в Межлесье, — говорит он. — Я и так задержался. У меня много дел, Эвелин. У тебя — тоже.

Он разворачивается и уходит в лес. Бесшумно. Бесследно. Как тень.

Я остаюсь одна у костра. На траве. С картой в руках. С мешком еды. С тремя месяцами, чтобы спасти себя.

И с одним именем в голове — Аэлион.

Я перевариваю все, что он сказал. Смотрю на огонь. Потом поднимаюсь. Переодеваюсь в мужскую одежду. Прячу волосы под капюшон. Закидываю сумку на плечо.

И иду на восток, как он сказал.

Через два дня я буду в порту. И я найду этого пирата.

Даже если мне придется пройти через все круги ада. Я сидела на мокрой земле, прижимая к груди сумку, и смотрела на догорающий костер. Желудок все еще скручивало от того, что я видела. Четыре тела. Кровь на снегу. И этот смех — низкий, раскатистый, словно камни перетирали в мельнице. Он все еще звучал в моих ушах.

Я поднесла руку к лицу. Платок, который он бросил, все

еще был зажат в пальцах. Мягкий, шелковый, с вышитым серебряным листком. Я машинально потерла щеку, стирая следы рвоты, и устала на тлеющие угли.

Ты же царских кровей.

Царских. Ее кровей. Лиары. Теперь моих.

Я закрыла глаза, и передо мной снова возникла та картина. Тень, вселяющаяся в разбойника, как змея в старую кожу. Его глаза за секунду стали красными, как раскаленные угли, и он двигался — черт возьми, он двигался нечеловечески. Ломая кости, выворачивая суставы, он убил четверых за несколько мгновений. Я слышала хруст. Я слышала последний выдох одного из них, когда тень выскользнула из тела и прыгнула в следующего, как блоха.

Господи. Если бы я рассказала об этом Дженни в супермаркете, она бы вызвала санитаров. И была бы права.

Я открыла глаза и перевела дух. Холодный воздух обжег легкие. Лес вокруг меня молчал — слишком тихо, даже для ночи. Ни птиц, ни ветра. Только треск догорающих углей и мое собственное дыхание.

Я вспомнила его слова. Каждое.

— Ты ошибаешься, я помогаю себе вернуть свой трон. Его заняли самозванцы. Такие же, как твои родители.

— Моих родителей убил твой отец. Он правил 300 лет, пока его тоже не убили. С твоей матерью.

— Лиара была эгоистичной и избалованной. Её убили последней. Это был орден «Зеленого желудя».

Орден. Вот оно. Татуировка на руке. Желудь. Не один человек — целая организация. Они убили родителей Лиары, убили саму Лиару, и теперь охотятся за мной, потому что я — единственная, кто может помочь этому существу вернуть трон.

И корона. Проклятая корона, которую Лиара спрятала перед смертью. Я должна найти её. Отдать ему. И тогда он отправит меня домой.

В мое тело. В супермаркет. К Дженни, Саре, Грейвзу и бесконечным стеллажам с консервами.

Я должна была обрадоваться. Но внутри, в груди, где пульсировала та странная магия, что-то заныло. Тоска. Чужая тоска Лиары. Она не хотела возвращаться. Она хотела отомстить.

Но Лиары больше нет. Есть только я. Эвелин Харпер, которая всю жизнь боялась сказать «нет» своему менеджеру. И сейчас я должна найти пирата по имени...

Я полезла в сумку. Там лежала одежда — темный плащ, кожаная куртка, штаны, сапоги на толстой подошве. И карта. Потрепанная, сложенная в несколько раз, с пометками на неизвестном языке, который я, к своему удивлению, понимала. Дар Лиары. Или проклятие.

— Пират по имени... — прошептала я, разглядывая надпись на полях. — Кайнан Ветрокрыл. Корабль «Анабель».

Кайнан. Имя звучало как удар хлыста.

Я переоделась. Платье слетело с плеч, и я натянула гру-

бую одежду, которая пахла дымом и морем. Волосы я заплела в тугую косу и спрятала под капюшон, заодно прикрыв проклятые уши. На пояс повесила небольшой нож, который нашла в сумке.

Сейчас я выглядела как обычный парень-путешественник. Если не присматриваться.

Я посмотрела на карту. До побережья — два дня пешком через лес. Потом — порт. Потом — пират. И дальше — Межлесье.

Я сложила карту и поднялась. Ноги дрожали. Костер догорел, и вокруг стало почти темно. Только луна, бледная и холодная, пробивалась сквозь ветви.

Я сделала шаг. Остановилась.

Обернулась.

Никого.

Но я знала, что он где-то рядом. Тень. Красноглазый демон, который вселился в тело разбойника, а до этого — в служанку, а до этого... кто знает, в кого еще. Он сказал, что его родители правили 300 лет назад. И что мой отец — отец Лиары — убил их и занял трон.

Значит, этот демон — не просто монстр. Он — изгнанный король. И он хочет вернуть себе власть.

Но зачем ему я? Почему именно моя душа? Почему не другая?

Я вспомнила его слова: «Только твоя душа подходит телу Лиары».

Почему?

Ответа не было. Но я знала одно: если я не найду корону через три месяца, я останусь здесь навсегда. В этом теле. В этом мире. Без надежды на возвращение.

А в моем мире... мое тело уже умирает. Каждый день. Каждый час.

Я сжала кулаки. В груди шевельнулась та самая магия — слабая, но живая.

— Ладно, — сказала я вслух. — Я найду твою корону, демон. Но только потому, что я хочу домой. Я должна вернуться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.